

Когда ты, Марфа, поняла,
что Он не просто друг, учитель?
Что тысячи прозрачных нитей,
хранит в себе одна игла.

Еще задолго до венца
тернового и багряницы,
Он научил тебя молиться.

Ты узнавала в Нем Отца?

Скажи, не это ли предел,
там, где сознание сдается:

«На этом стуле Бог сидел...»
«Он пил из этого колодца...»

Уже невидимые глазу,
трубили демоны набат,
Он знал, как ужаснется ад,
в тот день, когда воскреснет Лазарь.

Затем ни воли, ни крыла,
и ни апостолов, ни веры.
За трое суток жизнь прошла.
Когда ты, Марфа, поняла?

все меняется, милая, даже в крошечном аду
появляется свет, и трепещут суровые бесы,
я иду к тебе, слышишь, по темным дорогам иду,
совершенно один, в окружении мертвого леса.

говоришь, первобытный за нами отправился страх,
и, возможно, вселенная больше не выдаст ни знака...
почему тогда ведьмы горят на высоких кострах,
и старик тарантино сидит у плиты пастернака?

за меня не волнуйся, сквозь ветки виднеется небо,
на ночную тропинку рассыпалась звездная крошка,
а еще есть немного анисовой водки и хлеба,
деревянные четки и брэдбери в мягкой обложке.

сколько раз ты ныряла за мною на самое дно,
находила живым в лабиринте разрушенных зданий.
я несу тебе, милая, лучшее в мире вино,
и какие-то пряности — в жизни не вспомню названий...

* * *

я помню зарево и коня,
сожженный город
и падших духом,
седой правитель
поверил слухам
и приказал
умертвить меня.

той ночью, помнишь,
сова кричала,
в больших котлах
закипали смолы,
ты знала,
в этой игре престолов,
мы будем драться
за одичалых.

тогда под нами
крошился лед,
и мир на атомы
был расколот,
ты говорила,
что этот холод,
как будто реквием,
но без нот.

я видел рукопись
на латыни,
где на обложке
трехлистный клевер,
там говорится:
«забудь про север
и навсегда уходи
в пустыни,

где с диким медом
едят акриды,
где за пророком
идут народы,
там ты увидишь
такие воды,
куда и смерть не дойдет
без гида» .